

канонем теологическому. Кроме того, пастор находит достоинство свободного мышления, приписываемое книге, слишком низким для столь известного автора. Без сомнения, полагает он, речь идет в ней о внешней свободе, которая, ввиду ее зависимости от пространства и времени, вовсе не является заслугой. В рецензии, однако, речь шла о внутренней свободе, а именно свободе от оков привычных и закрепленных всеобщим мнением понятий и образов мышления, той свободе, которая вовсе не настолько низка, что даже люди, заявляющие о своей принадлежности к философии, лишь в редких случаях вырастали до нее.

То, что пастор считает недостатком рецензии, а именно «что в ней обращается внимание лишь на те места, которые содержат результаты, и игнорируются места, их подготавливающие», является, по-видимому, неизбежным злом для любого автора, которое при всем том все же более терпимо, чем, приводя то или иное место, вообще просто хвалить или осуждать. Следовательно, при всем справедливом уважении и даже сочувствии к славе и еще более к последующей славе автора, данная ранее оценка упомянутого произведения остается прежней, которая однако содержит нечто совсем иное, нежели то, что ей подсовывает (не совсем добросовестно) на стр. 161 пастор, а именно, что книга не осуществила того, что обещало ее название. Ведь название книги вовсе не обещало того, что уже в первом томе, содержащем лишь общие физиологические штудии (Vorgübungen), будет совершено то, что ожидается от последующих (которые, насколько можно судить, будут содержать собственно антропологию). И напоминание было нелишним: в последней ограничить ту свободу, которая в первых заслуживала, пожалуй, снисхождения. Впрочем, дело теперь за самим автором совершить обещанное в названии книги, что и следует ожидать от его таланта и его эрудиции.

И. КАНТ

**РИГА И ЛЕЙПЦИГ У ХАРТКНОХА.
ИДЕИ К ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И. Г. ГЕРДЕРА
Часть вторая. 1785, 344 с.**

Эта часть, охватывающая десять книг², рассказывает сначала в шести разделах шестой книги об укладе народов близ Северного полюса и вокруг азиатского хребта, зоны Земли, где проживают цивилизованные народы и африканские нации, жителей островов жаркого пояса Земли и американцев. Автор заканчивает изложение пожеланием собирать новые этнографические описания наций, чему уже положили начало Нибур, Паркинсон, Кук, Хёст, Георги и др.³

«Было бы прекрасным подарком, если бы тот, кто в состоянии, собирал бы там и сям разбросанные достоверные описания всего многообразия нашего человеческого рода и заложил бы тем

самым основы документальной науки о природе и физиогномике человечества. Более философски невозможно было бы найти применение искусству, а антропологическая карта, наподобие зоологической Циммермана⁴, на которой не должно быть показано ничего другого, кроме многообразия человечества, и непременно во всех своих проявлениях и во всех отношениях, — подобная карта была бы венцом филантропического труда». Седьмая книга рассматривает прежде всего положение о том, что человечество, несмотря на столь различные формы, представляет собой все же единый род и что этот единый род повсюду на Земле акклиматизировался. Здесь прежде всего освещается влияние климата на физическое и духовное формирование человека. Автор пронизательно замечает, что еще необходима большая предварительная работа, прежде чем можно будет прийти к физиолого-патологическому описанию, не говоря уж о климатологии, всех духовных и перцептивных способностей человека, и что невозможно упорядочить весь хаос причин и следствий, обусловленный высоким и низким положением зон Земли, их свойствами и продуктами, пищей и питьем, образом жизни, труда, одеждой, даже привычными позами, развлечениями и искусством, а также другими обстоятельствами, в единую картину мира, в которой каждой вещи, каждой отдельной местности воздалось бы должное и каждая получила бы не больше и не меньше, чем следует.

С достойной похвалы скромностью он характеризует поэтому общие замечания на стр. 92—99 лишь как проблемные.

Они содержат следующие основные положения:

1. Благодаря различным причинам на Земле формируется климатическая общность, которая необходима для жизни живущих.

2. Обитаемые земли нашей планеты сосредоточены в местностях, где большинство живущих существ трудится самым неприятельным образом. Подобное расположение частей света влияет на климат их всех.

3. Благодаря возделыванию земли у гор для огромного многообразия живого не только бесчисленное число раз изменялся ее климат, но и было, насколько это возможно, предотвращено вырождение человеческого рода⁵.

В четвертом разделе данной книги автор утверждает, что генетическая сила является на Земле матерью всех зарождений, на которую климат воздействовал либо благоприятно, либо враждебно, и заканчивает некоторыми замечаниями о борьбе между генезисом и климатом, в которых, между прочим, высказывается пожелание о необходимости физико-географической истории происхождения и вырождения нашего рода под влиянием климатических зон и периодов.

В восьмой книге г. Гердер исследует использование человеком органов чувств, силы своего воображения, практичность его ума, стремление к счастью; объясняет влияние традиций, мнений, навыков и привычек на примерах различных народов.

В девятой книге речь идет о зависимости развития человеком своих способностей от коллектива, о языке как средстве фор-

мирования человека, о возникновении с помощью подражания, разума и языка искусства и наук, о правительствах как прочно установившемся институте у людей, обусловленном в большинстве случаев традицией, и заканчивает замечаниями о религии и древнейшей традиции. Десятая содержит большей частью обобщение мыслей, высказанных автором в другом месте, повторяя, кроме рассуждений о местах первых поселений человека и азиатских преданий о сотворении Земли и человеческого рода, самое существенное из гипотезы об иудейской легенде сотворения мира¹ из сочинения «Древнейший документ человеческого рода».

Этот сухой перечень призван и в этой части служить лишь сообщением о содержании, а не передачей духа данного произведения. Он имеет целью пригласить читателя прочитать его, а не заменить чтение или сделать его излишним.

Шестая и седьмая книги содержат почти сплошь выдержки из этнографических описаний, искусно, впрочем, подобранных и мастерски скомпонованных и везде сопровождаемых своими собственными глубокими суждениями, но именно поэтому и менее всего поддающихся более подробному цитированию.

В наше намерение здесь не входит отмечать или анализировать прекрасные места, полные поэтического красноречия, которые всякому тонко чувствующему читателю скажут сами за себя. Но мы также менее всего собираемся исследовать вопрос о том, не нарушает ли поэтический дух, оживляющий изложение, в некоторых случаях философии автора, не выдаются ли иногда синонимичные выражения за объяснения, а аллегории за истины, не оказываются ли порой вместо рядом лежащих переходов из области философии в область поэтического языка полностью сдвинутыми границы и владения обоих, не служат ли порой ткань смелых метафоров, поэтических образов, мифологических намеков, скорее, тому, чтобы спрятать, как под фижмами, тело мысли вместо того, чтобы дать ему приятно просвечивать сквозь прозрачное одеяние. Мы представляем критикам прекрасного философского слога или заключительной доработке самого автора исследовать, например, не лучше ли было сказать: «Не только ночь и день и смена времён года изменяют климат», чем сказать на стр. 99: «Не только ночь и день, и хоровод сменяющих друг друга времен года изменяют климат», уместна ли также на стр. 100 следующая за естественно-историческим описанием этих изменений, без сомнения, прекрасная картина в форме дифирамбической оды: «Вокруг трона Юпитера водят ее (Земли) хоры⁶ свой хоровод, а то, что образуется у ног их, хотя и является несовершенным совершенством, так как все покоится на соединении разнородных вещей, но все же благодаря внутренней любви и сочетанию друг с другом рождается везде дитя природы, телесная гармония и красота». Не является ли также для перехода от заметок путешественников об укладе различных народов и климате к подборке извлеченных из них общих мест слишком эпическим следующим оборот: «У меня на душе, как у человека, которому предстоит с морских волн подняться на корабле в воздух, ибо я перехожу

теперь от изложения организации и естественных сил человека к описанию его духа и отваживаюсь судить о непостоянных свойствах его на нашем обширном земном шаре на основе скудных и отчасти ненадежных источников». Мы не исследуем также вопрос о том, не увлекает ли поток красноречия его порой в противоречия, не является ли, например, приведенное на стр. 248 положение о том, что изобретатели часто оставляют потомкам пользы от своих изобретений больше, чем извлекали ее из них для себя, еще одним примером, подтверждающим тезис о том, что природные задатки человека, имеющие отношение к применению им разума, находят свое полное развитие не в индивидууме, а только в роде⁷. И то, какому положению с некоторыми из него вытекающими, хотя и не совсем правильно сформулированными на стр. 206, он склонен вменить в вину чуть ли не оскорбление его величества природы (что другие в прозе называют богохульством), — всего этого мы, памятуя о поставленных нам границах, не касаемся. Единственно, что хотел бы пожелать рецензент как нашему автору, так и любому другому философу-исследователю всеобщей естественной истории человека, а именно, чтобы историко-критический ум проделал им предварительную работу в целом, который бы из неизмеримой массы этнографических описаний и рассказов о путешествиях и всех сведений, имеющих, по их мнению, отношение к человеку, выбрал бы преимущественно те, которые противоречат друг другу, и сопоставил бы их (снабдив, однако, примечаниями о правдоподобности сведений каждого очевидца). Тем самым никто не опирался бы столь дерзко на односторонние источники, не взвесив предварительно других сведений. Ибо теперь можно при желании из массы этнографических описаний доказать, что американцы и тибетцы и другие монголоидные народности не имеют бороды, но также, кому это нравится больше, что они в целом от природы бородаты, но лишь выщипывают ее; что американцы и негры стоят по своим умственным способностям ниже остальных членов человеческого рода, а с другой стороны, по столь же достоверным источникам, что их относительно своих природных задатков следует считать равными любому другому обитателю планеты, и тем самым философу представляется выбор либо принимать эти природные различия, либо судить обо всем по принципу *tout' comme chez nous* (все, как у нас), тем самым все его системы, воздвигнутые на столь зыбком основании, неизбежно должны принять форму случайных гипотез.

К классификациям человечества на расы наш автор относится неблагоприятно, особенно, к той из них, в основу которой положен наследственный цвет кожи, видимо, потому, что понятие расы представляется ему недостаточно определенным.

В третьем выпуске седьмой книги он называет причину климатических различий людей генетической силой. Рецензент составляет себе понятие о ней, исходя из значения этого выражения у автора. Однако он отклоняет, с одной стороны, эволюционную систему, а, с другой — также чисто механическое влияние внешних причин как неподходящие основания для объяснения и пред-

полагает в качестве причины ее принцип жизни, внутренне модифицирующийся в зависимости от различий внешней среды и сам себя приводящий в соответствие с ними, в чем рецензент с ним полностью согласен с той лишь оговоркой, что, если бы внутренняя формирующая причина по своей сущности была бы ограничена лишь неким числом и определенной степенью совершенства своих творений (по достижении которых она далее не была бы способна к тому, чтобы при изменившихся условиях творить по другому типу), то эти естественные ограничения формирующей природы можно было бы назвать зародышами или первоначальными задатками, рассматривая, однако, первые не как первоначально заложенные и лишь случайно разворачивающиеся механизмы и почки (как в эволюционной системе), а как простые, далее необъяснимые ограничения самой себя формирующей способности, которую мы в столь же малой степени можем объяснить, как и понять.

В восьмой книге начинается новый ход мысли, продолжающийся до конца данной части и содержащий описание истоков преобразования человека в разумное и нравственное создание и тем самым начало всякой культуры, которое следует искать, по мысли автора, не в присущей человеческому роду способности, а исключительно вне ее, в научении и наставлении со стороны других сил; начиная отсюда, весь прогресс в культуре есть не что иное, как дальнейшая передача и случайное наслоение на первоначальную традицию; именно ей, а не самому себе человек обязан своим поступательным движением к мудрости.

Поскольку рецензент, если он хотя бы на шаг отклонится от природы и пути познания разумом, оказывается беспомощным и поскольку он совсем не искушен в научном исследовании языка и знании или толковании древних памятников и даже более того, совершенно не умеет использовать философские факты, изложенные в них и тем самым одновременно и доказанные, постольку он сообщает о себе, что у него нет по этому поводу никакого суждения.

Между тем, принимая во внимание обширную начитанность автора и его особое дарование обобщать разрозненные факты под одним углом зрения, можно, вероятно, заранее предположить, что мы, по крайней мере, прочитаем много прекрасного о ходе человеческих дел и, насколько он нам может помочь, познакомимся поближе с характером рода и, по возможности, даже с определенными классическими его разновидностями, что будет поучительно даже для человека, имеющего относительно истоков человеческой культуры другое мнение.

Сущность же своего автор кратко выражает (стр. 338—339 вместе с примечаниями)⁸ следующим образом: «Эта иудейская назидательная история гласит, что первые сотворенные люди общались с поучавшими их элохимами, что они под руководством последних и благодаря знакомству с животными пришли к языку и всеильному разуму, но так как люди захотели запретным образом уподобиться им в познании зла, то они, постигнув его во

вред себе и поселившись с этого времени в другом месте, начали новый, более культурный образ жизни. Если, следовательно, провидению было угодно, чтобы человек был разумным и осмотрительным, то оно должно было бы позаботиться о нем столь же разумно и осмотрительно. Каким же образом элохимы заботились о людях, т. е. учили, предостерегали и наставляли их? И если спрашивать об этом здесь не менее смело, чем отвечать, то пусть сама традиция в другом месте дает нам на это ответ».

В незнакомой пустыне мыслитель, подобно путешественнику, волен выбирать себе путь по своему усмотрению; следует обождать и посмотреть, как ему удастся, после того, как достигнута цель, вовремя и благополучно оказаться снова у себя дома, т. е. в лоне разума, и может ли он, следовательно, рассчитывать на последователей. Поэтому рецензенту нечего сказать о логическом пути, избранном самим автором; он лишь полагает, что вправе взять под защиту некоторые подвергнутые автором на этом пути положения, потому что ему также должно быть предоставлено право самому себе выбирать свой путь. Дело в том, что на стр. 260 говорится: «Был бы легким, но не гуманным принципом философии истории человечества принцип: человек — животное, нуждающееся в господине, и от этого господина или посредством него он ждет счастье своего предназначения». Допустим, что он легкий, потому что опыт всех времен и народов подтверждает его. Но антигуманным? На стр. 205⁹ говорится: «Благосклонным было провидение, что оно искусственным конечным целям больших обществ предпочло более доступное счастье отдельных людей и оставило до других времен дорогостоящие государственные машины».

Совершенно верно, но вначале это блаженство зверя, затем блаженство ребенка, юноши и, наконец, счастье мужа. Во все эпохи человечества, а также во всех сословиях в одну и ту же эпоху существует счастье, которое соответствует понятиям и привычке человека именно к тем условиям, в которых он родился и вырос; даже более того, что касается этого пункта, то невозможно даже и сравнить это счастье или отдать предпочтение какому-либо классу людей или одному поколению перед другим. Что, если не эта тень счастья, которое доставляет себе каждый, а приведенная им в движение постоянно прогрессирующая и растущая деятельность и культура, высшая степень которой может быть лишь продуктом государственного устройства, выработанного на основе понятий человеческого права, следовательно, делом рук самого человека, является высшей целью провидения, то тогда, согласно сказанному на стр. 206, «каждый человек имел бы меру своего счастья в самом себе», не уступая в наслаждении им ни одному из последующих звеньев. Что же касается смысла не состояния их, ибо они существуют, а самого существования, т. е. почему они, собственно, есть на этом свете, то только в этом открылась бы мудрая цель в целом. Или автор полагает, что если бы счастливые жители острова Таити, никогда не навещавшиеся более культурными нациями, были предназначены для

того, чтобы прожить в своей спокойной безмятежности тысячи столетий, можно дать удовлетворительный ответ на вопрос, зачем они, собственно, существуют? Разве не было бы столь же хорошо, если бы этот остров был населен овцами и баранами, чем счастливыми только в своем наслаждении людьми? Следовательно, этот принцип не так антигуманен, как полагает автор. Он был высказан, по-видимому, дурным человеком?

Вторым положением, которое следует взять под защиту, является следующее: «Если бы кто-либо сказал, что воспитывается не один отдельный человек, а род, то для меня он выразился бы непонятно, потому что род и вид являются лишь общими понятиями, разве что поскольку они существуют в отдельных индивидуумах. Подобно тому, как если бы я говорил о животности, каменности, металличности вообще и снабдил бы их превосходными, но в отдельных индивидуумах противоречащими друг другу определениями. Путем, подобным философии Аверроэса, наша философия не должна следовать»¹⁰.

Разумеется, если кто-нибудь сказал бы: ни одна лошадь не имеет рогов, но лошадиность рогообразна, — тот сказал бы просто чушь. Ибо род означает не что иное, как признак, который присущ всем индивидуумам. Если же род означает совокупность продолжающегося в бесконечность ряда зачатий (а именно этот смысл совершенно естествен) и если предположить также, что этот ряд непрерывно приближается к границе своего определения, идущей рядом с ним, то не было бы противоречием сказать, что он во всех своих частях асимптотичен последней и все же в целом сходится с ней. Другими словами: ни одно звено всех зачатий человеческого рода не достигает своего определения, но его достигает только род. Математик может дать этому объяснение. Философ сказал бы: назначение человеческого рода есть непрерывный прогресс, а его завершение есть простая, но во всех отношениях полезная в целом идея о цели, на которую мы в соответствии с замыслом провидения должны направить свои устремления. Однако это недоразумение в приведенном полемическом месте всего лишь мелочь. Важнее его заключение: «Путем, подобным философии Аверроэса, наша философия не должна следовать». Отсюда можно сделать вывод, что наш автор, которому до сих пор так часто не нравилось все то, что выдавалось за философию, представит миру в своем обстоятельном труде не бесплодные словесные декларации, а покажет делом и примером образец настоящего философствования.

Перевод с нем. И. Д. Концева.

¹ См.: Рецензия на книгу И. Г. Гердера «Идеи философии истории человечества». Ч. 1. 1785. — В кн.: Кант Иммануил. Соч. в 6-ти т. М., Мысль, 1966, Т. 6, с. 49—50.

² Кант имеет в виду и первую, и вторую части, совместно содержащие 10 книг.

³ Нибур (Niebuhr) Карстен (1733—1815) — датский путешественник-ориенталист. («Описание Аравии», 1772; «Описание путешествия в Аравию и сопредельные земли», 1774—1778); Паркинсон (Parkinson) Сидней (1745—1771) —

художник, участник первого кругосветного путешествия Дж. Кука; Кук Дж. (1728—1779) — известный английский мореплаватель, автор ряда трудов, содержащих описание итогов путешествий; Хест (Hoeest) Георг (1734—1794) — датский ученый («Путешествие в Марокко», 1779); Георги (Georgi) Иоганн Готтлиб (1735—1802) — историк и этнограф, член Академии наук в Санкт-Петербурге («Описание всех народностей Российской империи». 4 т., Спб., 1776).

⁴ Циммерман (Zimmermann) Эберхард Август Вильгельм (1743—1815) — естествоиспытатель и географ, проф. в Брауншвейге.

⁵ См.: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., Наука, 1977, с. 180—181.

⁶ Хоры — богини времен года.

⁷ Кант этим примером показывает, что сам Гердер скорее подтверждает тезис Канта, чем опровергает его.

⁸ См.: Гердер И. Г. Указ. соч., с. 284—285.

⁹ Там же, с. 226.

¹⁰ Там же, с. 229.

Б. С. ЧЕРНЫШЕВ И ЕГО ЛЕКЦИИ О ФИЛОСОФИИ КАНТА

В этом выпуске «Вопросов теоретического наследия Иммануила Канта» мы впервые публикуем фрагменты лекций Б. С. Чернышева по философии Канта.

Борис Степанович Чернышев (1896—1944) был одним из зачинателей советской историко-философской науки. Окончив историко-филологический факультет Московского университета (1920) и аспирантуру Института научной философии, входившего в состав Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) (1928), Б. С. Чернышев опубликовал книгу «Софисты» (М., 1929), которая до сих пор остается единственной монографией на эту тему в советской историко-философской литературе. В дальнейшем он работал над различными проблемами истории философии. Еще до публикации монографии о софистах он напечатал статью «Социологические мотивы в эстетике Гегеля» (М., «Искусство», 1927, т. 3, кн. 4; в дальнейшем он участвовал в переводе «Лекций по эстетике» Гегеля), статью о философии Джентиле («Под знаменем марксизма», 1931, № 4—5); позже он продолжал работу над итальянской философией XX века — посмертно была напечатана его статья о Бенедетто Кроче («Вопросы философии», 1958, № 8 — глава из незаконченной монографии об этом философе), предисловие к переведенной им книге Бруно Бауэра «Трубный глас страшного суда над Гегелем» (М., 1933), статья-рецензия на книгу Э. Кассрера «Философия Просвещения» («Под знаменем марксизма», 1934, № 3), ряд разделов по истории античной философии в I томе «Истории философии» (М., 1940, главы о софистах, академниках, перипатетиках, стоицизме). Однако со временем его внимание все более и более сосредоточивалось на философии немецкого классического идеализма, — в особенности — Канта и Гегеля, которым и посвящены его главные работы и лекционные курсы. Преподавать Б. С. Чернышев начал еще в молодости, а с 1934 г. вел преподавательскую работу в Московском институте истории философии и литературы (МИФЛИ). В 1938 г. он становится профессором, а с 1940 г. — заведующим кафедрой истории философии этого института (в 1943 г. Б. С. Чернышев стал доктором философских наук). В 1942 г. институт вошел в состав Московского университета, где образовался философский факультет, деканом которого Б. С. Чернышев стал в 1943 г.

Весной 1939 г. Б. С. Чернышев прочитал для аспирантов тогдашней общегуниверситетской кафедры диалектического и исторического материализма курс лекций о философии Канта и Гегеля. Эти лекции о Гегеле легли в основу его большой статьи «О логике Гегеля» («Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы», 1941, т. 9, с. 30—96), брошюры «О логике Гегеля» (М., 1941), лекции в ВПШ при ЦК ВКП(б) и раздела на ту же тему в III томе «Истории философии» (М., 1943, гл. 5, с. 224—260).

Лекции же о Канте никогда не печатались. Мы публикуем некоторые их фрагменты по обработанной лектором стенограмме, сохранившейся в архиве одного из авторов, который слушал эти лекции в качестве аспиранта.